

ВИННИПЕГСКАЯ
СТЕНА

МАРИАНА ЗАПАТА

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
3-30

Mariana Zapata
THE WALL OF WINNIPEG AND ME
Copyright © 2016 Mariana Zapata

Перевод с английского *Анастасии Островной*
Иллюстрация на обложке *AceDia*
Художественное оформление *Екатерины Петровой*

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:
© Podessto / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Ранее роман издавался под названием «Ты будешь мне стеной»

Запата, Мариана.

3-30 Виннипегская Стена и я / Мариана Запата ; [перевод с английского А. Островной]. — Москва : Эксмо, 2026. — 480 с.

ISBN 978-5-04-232862-6

Ванесса Мазур знает, что поступает правильно.

Два года проработав личным ассистентом известного футболиста, она наконец готова уйти и начать карьеру графического дизайнера. Эйдена Грейвса по прозвищу Виннипегская Стена обожают тысячи, но на деле он холоден, недружелюбен и едва заговорил с Ванессой за все это время.

Каковы шансы, что спустя месяц после ее ухода Эйден вдруг появится у нее на пороге и станет умолять вернуться? Ванесса ошарашена, ведь он предлагает ей кое-что еще: абсолютно возмутительное и даже опасное.

Как отказать человеку, который привык получать все, что хочет? И что выйдет, если Ванесса все же согласится?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-232862-6

© Островная А., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

В память об Алане

ГЛАВА 1

Заметка себе: уволиться до того, как убью его, чтобы меня не заподозрили.

Как сладостно будет его закопать.

Однажды.

— Эйден. — Его имя вырвалось у меня с тяжелым вздохом. Я знала, что жаловаться и возражать бесполезно. В ответ я получила — вполне, впрочем, ожидаемо, — фирменный снисходительно-презрительный взгляд, не один раз выходивший Эйдену боком. Насколько мне известно, по крайней мере. Но когда его брови сходились на переносице от недовольства, а уголки губ опускались, превращая линию рта в висящую ниточку, во мне оживало одно-единственное желание — засунуть палец ему в нос. Так делала моя мама, когда мы начинали дуться.

За взглядом последовало недовольное фырканье. Потенциальный покойник, не подозревая, насколько близок он к трагичной и несвоевременной кончине, придвинул к себе миску с салатом, которой хватило бы, чтобы накормить целую семью.

— Ты меня слышала? Отменяй давай, — повторил он, будто обращался к глухой.

О, не извольте сомневаться, очень хорошо слышала. Поэтому в мечтах мои руки уже смыкались на его шее.

До чего же поразительна человеческая природа: в голове не укладывается, как может человек одновременно быть небезразличен и вызывать жгучую жажду наложить на него руки? Как если бы он был капризной младшей сестрой, которой иногда так и тянет отвесить подзатыльник. Не потому, что ты ее не

любишь, просто мозги должны вставать на место изредка. Не то чтобы я знала это по собственному опыту, конечно.

Я так ничего и не ответила, и Эйден продолжил, не меняя выражения лица и сверля меня взглядом:

— Мне плевать, как ты это объяснишь. Отменяй.

Поправив очки левой рукой, я опустила правую, чтобы скрыть от Эйдена, что показываю ему средний палец. Мало мне его упрямой мины, так еще и этот тон! Он означал, что спорить бесполезно и мне придется это разгрести.

Как всегда.

Когда я только начала работать на трижды лучшего защитника года по версии Национальной футбольной лиги, мне не нравились всего три мои обязанности: спорить с людьми, говорить им «нет» и выносить мусор, потому что я, помимо прочего, была для Эйдена и кухаркой, и уборщицей.

Но это не шло ни в какое сравнение с отменой договоренностей в последнюю минуту. В моем хит-параде ненавидимых задач эта занимала почетное первое место с большим отрывом: от нее мои моральные устои трещали по швам, а я сама погружалась в пучину отчаяния. Потому что обещание есть обещание. С другой стороны, это ведь не я разочаровывала фанатов, а сам Эйден.

Тем временем моя причина тряски беззаботно поглощала второй за день обед, даже не задумываясь, через что мне придется пройти, когда я позвоню его агенту и скажу, что Эйден не поедет на автограф-сессию в магазин спорттоваров. И это после того, сколько сил мы положили на ее организацию. Ура.

Я вздохнула. Чувство вины тяжелым узлом сжалось в моем животе и терзало разум. Я наклонилась и потеряла затекшее колено рукой, которая не была занята выражением моего негодования.

— Ты уже обещал приехать...

— Мне наплевать, Ванесса.

И снова этот его взгляд. Средний палец под столом непроизвольно дернулся.

— Пусть Роб все отменит.

Его могучая рука взметнулась вверх, отправляя в рот добрую половину килограмма пищи за один присест. Вилка застыла в воздухе, когда его угрюмый, непоколебимый взгляд скрестился с моим.

— Что-то не так?

«Ванесса то, Ванесса се».

«Отмени встречу. Пусть Роб все отменит».

Тьфу.

Как будто мне доставляло удовольствие общаться с его агентом, и уж тем более — сообщать об отмене встречи с поклонниками всего за два дня до мероприятия. Разумеется, Роб выльет все свое негодование на меня, будто я хоть как-то могу повлиять на Эйдена *Виннипегскую Стену* Грейвса. Мне удалось его склонить к чему-то только один раз за все это время — когда мы вместе выбирали фотоаппарат. И то лишь потому, что у него «есть дела поважнее» и «за это я тебе и плачу».

Конечно, он был прав. Эйден платил мне столько — плюс то, что мне время от времени перепадало от Зака, — что я готова была изобразить на лице улыбку, хоть и вымученную, и делать что скажут. Иногда я даже приседала в некоем подобии книксена, которое Эйден предпочитал игнорировать.

Вряд ли он отдавал себе отчет, сколько терпения потребовалось от меня за эти два года рядом с ним. Другая бы на моем месте прирезала его во сне. Я же, по крайней мере обычно, рисовала в мечтах более гуманные методы.

Как правило.

Он стал совершенно другим человеком после того, как в самом начале прошлого сезона порвал ахиллово сухожилие. Я искренне старалась не сердиться на него, очень старалась. Непросто выбыть из игры на три месяца, особенно когда тебя же винят в провале команды, в итоге не попавшей в плей-офф. К тому же многие утверждали, что Эйден уже никогда не вернется к прежним высотам после полугода лечения и реабилитации.

Но Эйден оставался Эйденем. Многим спортсменам требовалось куда больше времени, чтобы восстановиться и вернуться в игру, но только не ему. Дороже всех это, конечно, об-

ходилось мне: уход за элитой на костылях и поездки по врачам были тем еще удовольствием.

Как выяснилось, даже моего терпения едва хватало на эту капризную сучку. Эйден обожал футбол и, несомненно, не мог даже думать о том, чтобы навсегда остаться не у дел или не суметь вернуть былую форму. Он, конечно, со мной об этом не говорил, но мне не нужны были слова, чтобы понять его состояние. Даже не представляю, что бы я чувствовала, повреди я, например, запястья и оставшись один на один с угрозой никогда больше не взять в руки кисть.

Но раздражительность Эйдена достигла немислимого, все-ленского масштаба. А мне было с чем сравнивать — я выросла с тремя старшими сестрами, у которых критические дни начинались в одно время. После них мало что — и мало кто — мог вывести меня из равновесия. Я знала, что такое настоящая травля, и Эйден никогда не переходил черту. Но, надо отдать ему должное, временами бывал порядочным козлом.

Ему повезло, что я была чуть-чуть, самую капельку в него влюблена — иначе он бы давно уже сыграл в ящик. С другой стороны, надо быть слепой, чтобы не увлечься Эйденем Грейвсом.

Он приподнял брови, уставившись на меня своими выразительными, глубоко посаженными карими глазами, оттененными густыми темными ресницами. Я сплотнула и покачала головой, разглядывая его лицо, которое озарялось улыбкой лишь при виде собаки. Он был габаритами с небольшой дом и, по логике, должен был обладать грубыми, почти пещерными чертами. Но Эйден, похоже, любил опровергать любые стереотипы о себе. Он был умен, ловок и — насколько я знала — ни разу не смотрел хоккей. При мне он ругался всего дважды. И не употреблял животный белок. Этот парень не ел бекон! В то же время он был выше таких условностей, как вежливость, и никогда не извинялся. Никогда.

По сути, он был аномалией. Канадский футболист на растительной диете — он не любил, чтобы его называли веганом. И настолько прекрасный, что оставалось лишь благодарить небеса за дар видеть.

— Как скажешь, здоровяк, — произнесла я с фальшивой улыбкой, по-прежнему держа средний палец за кухонной стойкой.

— Переживут, — бросил Эйден, проигнорировав прозвище, и развернул свои плечи, по которым запросто мог бы пройти ребенок. — Ничего страшного.

Ничего страшного? Вряд ли его менеджеры и агент разделят это мнение, но Эйден всегда поступал так, как хотел, и никто не смел ему перечить. «Нет» говорили мне, и тогда мне приходилось расхлебывать последствия.

Что бы там ни думали другие, защитник «Трех сотен», профессиональной футбольной команды Далласа, не был законченным козлом. Он много ворчал и вечно хмурился, но никогда не выходил из себя без веского повода. Он был требовательным: точно зная, чего хочет и что ему нравится. Это, бесспорно, прекрасное качество. Другое дело, что отвечать за все его прихоти приходилось мне, нравилось мне это или нет.

«Ничего, осталось недолго», — подумала я. Стоило лишь потерпеть еще самую чуточку. От этой мысли мне стало слегка легче.

Пару месяцев назад сумма на моем счете наконец достигла приятной отметки благодаря силе воли, жесткой экономии и подработкам, на которые я тратила все свободное время. Я накопила финансовую подушку размером с мой годовой оклад. У меня получилось. Наконец-то, черт возьми. В воздухе уже почти пахло свободой.

Почти.

Я еще не сказала Эйдену, что ухожу.

— Лицо попроще сделай. — Его резкая ремарка вытащила меня из размышлений.

— О чем ты? — Я моргнула и попыталась изобразить недоумение.

Не вышло.

Продолжая пережевывать салат, Эйден прищурился.

— Вот об этом, — он мотнул головой в мою сторону.

Я пожалала плечами, всем видом показывая «понятия не имею, о чем ты».

— Хочешь что-то сказать?

Мне бы хотелось сказать ему многое, но я слишком хорошо знала Эйдена. Ему нет дела до меня и моего мнения. Он просто напоминал, кто здесь главный.

И это не я.

Скотина.

— Я? Не-а.

Его взгляд скользнул по мне и задержался на руке, которую я прятала за стойкой.

— Тогда убери палец. Я не передумаю, — произнес он с обманчивой небрежностью.

Сжав губы, я опустила руку. Чертов ясновидящий. Телепат. Он, казалось, читал меня как открытую книгу. И так происходило каждый раз, когда я решалась мысленно послать его подальше.

Не то чтобы я разбрасывалась подобными жестами налево и направо, но я рассердилась из-за его решения без причин отменить встречу. Но что я могла поделать?

— Ладно, — пробормотала я.

Эйден — который, я уверена, даже не знал, сколько мне лет и уж тем более когда мой день рождения, — на мгновение нахмурился. Его густые брови сдвинулись, а чувственный рот искривился. Но затем он пожал плечами, словно мое поведение моментально перестало его волновать.

Скажи мне кто-нибудь пять лет назад, что я буду выполнять всю черную работу в жизни другого человека, я бы рассмеялась. Я не была тем, кто плывет по течению, — у меня всегда были цели и планы. И больше всего я желала обрести независимость и быть сама себе хозяйкой.

С шестнадцати лет, когда на моей первой подработке в кинотеатре на меня наорали за то, что я положила в стакан слишком мало льда, я знала, что когда-нибудь буду работать на себя. Мне претило выполнять чужие распоряжения. Я была упряма и решительна, и это, по словам отчима, было одновременно моей силой и моей слабостью.

Я не рвалась к вершинам славы и не мечтала о миллионах. Меня не манила известность. Я просто хотела собственный

небольшой бизнес в сфере графического дизайна, который позволил бы мне сводить концы с концами, оплачивать счета и иногда баловать себя. Мне не хотелось зависеть от чьего-то настроения или милости. Такой была вся моя жизнь, сколько я себя помню. Я постоянно на что-то надеялась — что мама вернется домой трезвой, что сестры не забудут меня покормить, что женщина из соцслужбы не разлучит меня с братом... Стоп. Ни к чему так погружаться в воспоминания.

В общем, я всегда знала, чем хотела заниматься, и наивно думала, что дело за малым. Никто не предупредил меня, что жизнь — это не прогулка по дороге из желтого кирпича, а бесконечное петляние в лабиринте. Хорошо, что без минотавра. Ты то и дело останавливаешься, возвращаешься, снова идешь вперед и время от времени оказываешься в тупике — но важно помнить, что выход есть. Он где-то там. Надо только не сдаваться, даже если очень хочется. Особенно когда кажется, что куда проще и не так страшно идти по проторенной тропе, чем прокладывать собственную.

Эйден встал, зажав в ладони пустой стакан. Его исполинская фигура делала кухню крошечной — впрочем, так было всегда. И неудивительно: он поглощал по семь тысяч калорий в день, а в разгар футбольного сезона — все десять. С кухни он, естественно, не вылезал. Как, впрочем, и я, ведь я постоянно готовила для него.

— Ты купила груши? — спросил Эйден, словно и не было ни нашего разговора, ни моей попытки мысленно отправить его куда подальше. Он просто налил в стакан воды.

Меня ни капли не смутило, что он застал меня с поличным. Когда-то в первый раз мне казалось, я умру от стыда, а потом меня сразу уволят. Но теперь я его узнала. Ему было на это плевать — или, по крайней мере, так казалось, раз меня до сих пор не уволили. На матчах некоторые специально пытались его вывести из себя, выкрикивая такое, от чего у меня просто дыхание перехватывало. А Эйден? Не моргнув глазом делал вид, будто не слышит.

Честно говоря, его выдержка меня поражала. Я же вздрагивала, даже когда мне сигналили в пробке.

Да, Эйден вообще производил впечатление — женщины на улице открыто заглядывались на его мощную фигуру. Но хотя многие сочли бы меня дурой за нежелание работать на лицо известного спортивного бренда, я твердо решила уйти. И с каждым днем это желание только крепло.

Долгие годы я выжимала из себя все соки, чтобы добиться своего. Мне не на кого было опереться. Я двигалась к одной-единственной цели — однажды стать сама себе хозяйкой. Ради этого приходилось вести переговоры с идиотами, после разговоров с которыми я чувствовала себя полным ничтожеством, и заботиться о вещах, принадлежавших этой самой растраженной заднице.

«Скажи ему, скажи ему, скажи ему прямо сейчас, что уходишь», — в отчаянии взывал ко мне мой разум.

Но тот самый голосок сомнения и неуверенности, что заменял мне внутренний стержень, ехидно прошептал: *«А стоит ли торопиться?»*

Мое знакомство с Виннипегской Стеной началось с того, что он спросил: *«Ты умеешь готовить?»*

Он не пожал мне руку, не предложил присесть. Теперь я понимаю, что уже тогда должна была увидеть, как будут устроены отношения между нами. Открыв мне дверь своего особняка, Эйден кратко спросил, как меня зовут, и тут же повел на свою огромную роскошную кухню, какие я видела разве что в глянце-вых журналах по дизайну помещений. Затем он немедленно перешел к вопросу о моих кулинарных способностях.

До этой встречи со мной уже говорил его менеджер. Дважды. Предлагаемая зарплата меня устраивала, а остальное на тот момент мне было не важно. Мое кадровое агентство трижды вызывало меня для беседы, чтобы удостовериться, что я гожусь для работы со «знаменитостью», как они называли Эйдена.

Я была подходящей кандидаткой: с университетским дипломом бакалавра, разносторонним опытом — три года работы секретарем у адвоката по бракоразводным процессам, стабильный дополнительный доход от продаж косметики и товаров по каталогам, а также летняя подработка в качестве фотографа

для всех, кто был готов мне заплатить, — и безупречными рекомендациями.

Но я была уверена, что мне помогло получить работу не это, а полное невежество во всем, что касалось футбола. Когда по телевизору показывали игру, я обычно не обращала внимания. За всю жизнь я была, может быть, на паре матчей в старшей школе, но это все. Я даже ни разу не видела Эйдена Грейвса до первого дня на этой работе.

Поэтому, когда менеджер назвал имя моего будущего работодателя, я просто тупо на него уставилась. Думаю, именно это отсутствие энтузиазма и дало мне преимущество.

Даже после того, как мне предложили место, я не стала гуглить Эйдена. А зачем? Вряд ли то, что я найду в Сети, могло бы изменить мое решение. Будь он хоть наемным убийцей — я бы согласилась, если бы платили достаточно.

Впрочем, хорошо, что я не полезла в интернет. Позже, когда мне пришлось рассылать фанатские фото, я поняла: ни один снимок не смог бы меня подготовить к масштабам Эйдена Грейвса.

Он был настоящим зверем — ростом под два метра, весом в межсезонье до ста тридцати килограммов, и смотрелся скорее как мифический воин, а не простой смертный. Даже в одежде он напоминал монстра — без намека на показную мускулатуру, просто массивный, с головы до пят. Я бы не удивилась, узнай, что кости у него плотнее, чем у обычных людей. Вся его мощь была заточена под одно — перехватывать мячи и блокировать квотербеков противника.

Футболка XXL в утро нашей первой встречи не скрывала рельефа его мышц — спины, груди, рук. Его просто разрывало изнутри. Спортивные штаны трещали по швам. Сейчас я вспоминаю, что его кулаки тогда показались мне похожими на огромные бульжники. И мне еще никогда не приходилось видеть таких широких запястий.

А его лицо... У других таких крупных парней черты часто грубеют, но Эйден был красив — по-настоящему, почти нереально. И с этим лицом мне предстояло видеться каждый день. Оливковая кожа и каштановые волосы. Высокие скулы, впалые